

Правдивая история

Юваль Ной Харари: Вы можете голосовать, но правда не зависит от вашего выбора.

Эта статья также доступна на немецком языке

Электоральный сезон 2020 года в США, вступивший в новую фазу с началом кокусов Демократической партии в штате Айова, обещает стать одним из самых противоречивых и напряженных в американской истории. Его результаты эхом разнесутся по всему миру – они с высокой вероятностью будут определять глобальный порядок на долгие годы вперед. Пока политическая температура не достигла точки кипения, людям стоит серьезно задуматься над реальной сутью демократических выборов.

Выборы не являются методом поиска истины. Это метод достижения мирного компромисса между противоречивыми желаниями разных людей. Вы можете думать, что живете в одной стране с людьми, которых вы считаете ограниченными, глупыми и даже злобными, но ведь и они могут думать то же самое о вас. Тем не менее вы хотите достичь мирного компромисса с этими людьми или же предпочтете разрешить разногласия при помощи оружия и бомб?

Поскольку выборы являются методом достижения компромисса между нашими желаниями, то на избирательных участках людям не задают вопрос: «Что правильно?». Их спрашивают: «Чего вы хотите?». Именно поэтому все граждане обладают равными избирательными правами. В поисках правды мнения разных людей имеют разный вес. Но когда речь заходит о желаниях, то тут все равны.

*Выборы не являются
методом поиска истины.
Это метод достижения
мирного компромисса
между противоречивыми*

Комментируя итоги референдума по Брекситу в 2016 году, известный биолог Ричард Докинз возмущался по поводу того, что подавляющее большинство британцев не стоило даже приглашать к участию в этом референдуме, поскольку они не обладают достаточным уровнем понимания

*желаниями разных
людей.*

экономических и политических процессов.
«С таким же успехом вы можете требовать
общенационального плебисцита для
принятия решения о правильности
алгебраических расчетов Эйнштейна», –
писал господин Докинз.

Однако его аналогия ошибочна. Проведение плебисцита по поводу приемлемости или неприемлемости теории относительности Альберта Эйнштейна – это нелепая идея, потому что это вопрос истины, который следует отдать на откуп экспертам. В дискуссиях об относительности мнение одного профессора физики имеет большее значение, чем мнение тысячи профессоров истории или тысячи юристов.

Но вопрос, вынесенный на референдум 2016 года, был не о правде. Он звучал так: «Должно ли Соединенное Королевство оставаться членом Европейского союза или ему следует выйти из Европейского союза?». Это вопрос о желании, и нет никаких оснований отдавать предпочтение желаниям экспертов в ущерб желаниям всех остальных.

Можно возразить, что желания все равно формируются на основании фактов и что брекситовские дебаты – это обоснования и опровержения определенных экономических теорий. К примеру, приведет ли выход Великобритании из Европейского союза к росту или сокращению ее внутреннего валового продукта? Большинство людей не смогут ответить на такой сложный экономический вопрос. Как следствие, напрашивается вывод, что Брексит и правда стоило бы отдать на откуп экспертам. Если бы ВВП был единственным значимым фактором, то тогда решение по Брекситу действительно должно было бы приниматься в узком экспертном кругу. Но люди вполне могли желать выйти из ЕС по другим соображениям, даже если подобный шаг приведет к экономической катастрофе. В любом демократическом государстве у избирателей есть неотъемлемое право поставить националистические настроения и религиозные идеалы над экономическими интересами.

Эксперты, вероятно, будут осуждать подобную привилегию и посчитают ее иррациональной, но позволить им диктовать людям правильные желания – это прямая дорога к тоталитаризму. Есть анекдот о том, как коммунист-агитатор, выступая перед группой рабочих, пообещал: «Когда произойдет революция, вы все будете есть клубнику со сливками!». Кто-то из рабочих поднял руку и сказал: «А я не люблю клубнику со сливками». Коммунист ответил

слегка угрожающим тоном: «Когда произойдет революция, вы будете любить клубнику со сливками».

Поскольку на выборах речь идет скорее о желании, чем о правде, эксперты не могут претендовать на особые избирательные привилегии. Но по этой же причине избранные правительства обязаны уважительно относиться к независимости науки, судов и СМИ. Правительство представляет волю большинства людей, но правда не должна подстраиваться под волю людей, потому что они часто хотят, чтобы правда была чем-то иным, чем она есть на самом деле.

Например, христианские фундаменталисты преисполнены желанием, чтобы Святое Писание было правдой, а теория эволюции – ложью. Тем не менее даже если 90 процентов избирателей будут христианами фундаменталистами, они не должны обладать властью диктовать научную истину или препятствовать исследованиям и публикациям неудобной правды. В отличие от Конгресса, кафедра биологии не обязана отражать волю народа. Конгресс, безусловно, может принять закон, провозглашающий ошибочность теории эволюции, но подобный закон не изменит реальности.

*Правительство
изначально является
самым мощным
общественным
институтом, и
зачастую оно наиболее
заинтересовано в
искажении или
сокрытии неудобной
правды*

Точно так же когда харизматичного лидера обвиняют в коррупции, его преданные сторонники обычно хотят, чтобы эти обвинения оказались ложными. Но даже если этого лидера поддерживает большинство избирателей, их желания не должны удерживать журналистов и судей от расследования выдвинутых обвинений и установления истины. Даже если парламент примет закон, провозглашающий ошибочность всех этих обвинений против упомянутого лидера, такой закон не отменит фактов.

Разумеется, у журналистов, ученых и судей есть свои проблемы – нельзя слепо верить в то, что они всегда открывают глаза на правду. Академические учреждения, СМИ и суды не застрахованы от коррупции, предрассудков или ошибок. Но их подчинение некоему «министерству правды», по всей видимости, еще больше усугубило бы ситуацию. Правительство изначально является самым мощным общественным институтом, и зачастую оно наиболее заинтересовано в искажении или сокрытии неудобной правды. Позволить

правительству курировать поиск истины – все равно что подрядить лису на охрану курятника.

Для защиты правды лучше задействовать два других подхода.

Во-первых, в академических учреждениях, СМИ и судебной системе есть собственные внутренние механизмы преодоления коррупции, сглаживания предрассудков и обнаружения ошибок.

Рецензирование научных публикаций представляет собой гораздо лучший механизм проверки, чем контроль со стороны чиновников, а продвижение по академической лестнице часто зависит от успешного выявления прошлых ошибок и установления неизвестных фактов. Если брать медийную сферу, то там существует свободная конкуренция: если какая-то газета воздерживается от публикации скандального происшествия, то ее конкурент выходит с эксклюзивом. А в судебной системе любой нечистый на руку судья может быть осужден и наказан, как и любой другой гражданин.

Во-вторых, существование нескольких независимых институций, которые занимаются поиском правды разными путями, позволяет этим институциям перепроверять и корректировать деятельность друг друга.

Например, если мощным корпорациям удастся сокрушить рецензионный механизм через подкуп достаточно большого количества ученых, то журналистские расследования и суды могут выявить и наказать злоумышленников. Если СМИ и суды подвержены систематическим расистским предрассудкам, то разоблачение этих предрассудков часто является уделом социологов, историков и философов. Ни один из этих предохранительных механизмов не является абсолютно безотказным, но таковым не является ни один общественный институт. В том числе, разумеется, и правительство.

Есть, конечно, и другие значимые причины для отстаивания независимости академических институций, СМИ и в особенности судов. Демократические выборы – это вопрос человеческих желаний, а единственным общим для всех желанием является желание победить. Как нам сделать все необходимое для того, чтобы влиятельные политические партии не сфальсифицировали игру в свою пользу?

Аксиомой для любого футбольного матча является то, что судья не может входить в состав одной из противоборствующих команд. Когда игроки не могут прийти к согласию по поводу нарушения

правил, им нужен независимый арбитр. То же самое можно сказать и о демократическом государстве. Это тоже игра с правилами, и даже большинству непозволительно их нарушать. Например, если 51 процент избирателей примут закон, отстраняющий другие 49 процентов от участия в будущих выборах, некий независимый рефери обязан крикнуть: «Фол!» и упразднить закон, даже если тот имеет поддержку большинства избирателей. В большинстве демократических государств роль такого независимого рефери отводится верховному суду, и если независимость верховного суда поставлена под сомнение, то вся демократическая игра превращается в диктатуру большинства.

Черт бы побрал медведей!

Давайте в качестве примера рассмотрим такую жизненно важную тенденцию, как глобальное потепление. Вопрос правды: приводит ли человеческая деятельность к глобальному потеплению? Многие хотят, чтобы ответом на него было «нет», но их желания не меняют реальности. Как следствие, было бы смешно вынести этот вопрос на референдум, где все люди обладают равными избирательными правами.

Отвечать на этот вопрос должны компетентные эксперты. Если большинство климатических экспертов говорят «да», в то время как большинство избирателей – «нет», нам стоит довериться мнению экспертов. Большинство избирателей не должны располагать рычагами для удержания научных кафедр и СМИ от исследования и публикации нежелательной правды.

*Признание правды о
глобальном потеплении
ничего не говорит нам о
шагах по его
преодолению. У нас
всегда есть разные
варианты, и выбор
между ними является
вопросом желания.*

Разумеется, когда речь заходит о принятии политических решений в отношении климатического кризиса, воля избирателей по-прежнему будет иметь первоочередное значение в демократическом государстве. Признание правды о глобальном потеплении ничего не говорит нам о шагах по его преодолению. У нас всегда есть разные варианты, и выбор между ними является вопросом желания.

Одним вариантом может быть немедленное сокращение выбросов парниковых газов, даже ценой замедления экономического роста. Это означает подвергнуть себя дополнительным трудностям сегодня, но уберечь при этом людей в 2050 году от более суровых невзгод:

спасти Бангладеш от затопления, а полярных медведей – от полного исчезновения. Вторым вариантом может быть сохранение устоявшегося порядка вещей. Это означает вести более беззаботную жизнь сегодня, но усложнить жизнь будущему поколению, затопить значительную часть Бангладеш и обречь всех полярных медведей, а также многочисленных представителей других видов на вымирание. При выборе между этими двумя вариантами желания экспертов не должны превалировать над желаниями остальных людей.

Единственный вариант, которого не должно быть в ассортименте – это сокрытие или искажение правды. Если мы предпочитаем не напрягаться сегодня и посылаем ко всем чертям бангладешцев и полярных медведей, то у нас есть право голосовать за это в демократическом государстве. Но у нас нет права принимать закон, который постановляет, что глобальное потепление – это выдумка. Мы можем выбирать все, что нам заблагорассудится, но нам не следует отрицать истинное значение нашего выбора.

Правило клубники со сливками

Отделение желания от правды едва ли можно назвать новой идеей. Она всегда имела определяющее значение для развитых демократий. Но в XXI столетии эта идея приобретает важнейшее значение, потому что новые технологии облегчают возможность манипуляции человеческими желаниями.

Биотехнологии в сочетании с информационными технологиями дают правительствам и корпорациям возможность систематически «взламывать» миллионы людей. Мы очень близки к той точке, когда отдельные правительства и корпорации достаточно овладеют биологией, соберут достаточно данных и сосредоточат в своих руках достаточно вычислительных мощностей, чтобы знать нас лучше нас самих. И тогда, вооружившись новыми мощными алгоритмами, правительства и корпорации будут в состоянии не только предсказывать наш выбор, но и манипулировать нашими желаниями и продавать нам все, что им заблагорассудится – как товары, так и политиков. По завершении этой революции алгоритмы позаботятся не только о том, чтобы вы полюбили и клубнику, и сливки, и правящую партию.

*Популистские режимы
боятся правды,
поскольку она им
неподвластна, и, как*

В демократическом государстве правительство представляет волю народа. Но что произойдет, когда правительство обретет возможность систематического манипулирования волей народа? Кто кого

следствие, они

будет тогда представлять?

утверждают, что ее не

существует

В дополнение ко всем бедам мы сейчас наблюдаем подъем популистских режимов, которые сначала приходят к власти на волне разжигания ненависти к иностранцам и меньшинствам, а затем подвергают систематическим атакам любую институцию, способную ограничить их власть. Их главными целями являются именно те институции, которые защищают правду: СМИ, суды и научное сообщество. Популистские режимы боятся правды, поскольку она им неподвластна, и, как следствие, они утверждают, что ее не существует. Типичный популистский лидер умасливает людей рассказами о том, что их желания превыше всего. Эксперты, озвучивающие неудобную правду, квалифицируются уже как предатели, противящиеся воле народа.

Чтобы обеспечить демократии будущее, нам необходимо держать правду в стороне от желаний. Недостаточно расписаться в верности абстрактному идеалу правды. Самое главное – это институции. При всем их несовершенстве только институции способны воплотить идеалы в повседневную общественную жизнь.

Перевод с английского Андрея Уманца

(c) The New York Times 2020

Юваль Ной Харари

Иерусалим

Проф. Юваль Ной Харари (Yuval Noah Harari) – историк, философ и автор недавно вышедшей книги «21 урок для XXI столетия».

2 LESERBRIEFE

Alex schrieb am 22.02.2020

+++++

Very clear and understandable language written.

Thanks

Dauren schrieb am 01.03.2020

Очень интересно! Спасибо за перевод!

